

Дизайн автора

МАРИТЕ

...А потом ему стало семнадцать. И снова лето у тети на даче, какое-то неистово-томящее. И это, за всеми его поступками сквозящее намерение утратить наконец свою невинность - не мальчика, а мужчины. Первая девушка, которую он поцеловал, и самый поцелуй, ошеломивший его своей прозаичностью, большие тяжелые груди в полночном сумраке двора и нелепая мысль - что же с ними делать, холодными от ночного воздуха...

...Танцевальная площадка, движения той, кого пригласил на танец, горячая ладонь ее, под пальцами ложбинка гибкой спины, чуть влажной под кофтой, и при послушности тела, отрешенное, в сторону глядящее лицо. Сколько еще ему спотыкаться об эту женскую отрешенность, не понимать ее двойственной игровой природы, доискиваться ясности отношений, будто от этого они не лишаются смысла. Завиток ее светлых волос щекочет лицо. Скопив глаза, он видит ухо, щеку, близкую, веющую теплом. Почему вдруг эта далекая чужая девушка так близка? Почему обжигают случайные прикосновения к ее груди, ногам? Откуда столько тяги к чужому, другому? Откуда чувство, что чужое это и есть твое?

Они танцуют молча, и она, словно вдруг вспомнив о нем, чуть отстраняясь, взглянет спокойно и непонятно, и начнет подпевать.словно не он ее ведет в такт, а музыка. Он упускает ее и терзается ревностью, глядя, как она танцует с другими...

Танцы кончаются и по теплой темной улице под каштанами растекается толпа. Он находит ее, идет следом и наконец нагоняет. Ее зовут Марите, она латышка, но по-русски говорит хорошо. Идя рядом с ним, она несколько раз оглядывается, но он не придает этому значения. Она разрешает проводить себя до станции. Разве она живет не здесь? Нет, она живет в Пумпури. Тогда он проводит ее до Пумпури. Это слишком далеко, ей жалко его, к тому же она ничего не боится. Да, он чувствует, что она ничего не боится. И все-таки он хочет проводить ее до Пумпури, он ни разу там не был. Там ничего интересного. Наоборот, там страшно интересно. Почему же? Потому что она там живет...

Вот такой между ними разговор, они доходят до станции и сидят на скамейке. Темно, только на реке - белесый слой тумана, да далеко за поймой, там, где начинается лес, - одинокий огонек хутора. Он осмелел настолько, что тихо поглаживает ее руку в пуховой кофте. Она не противится, хотя он чувствует в ней какую-то постороннюю, не связанную с ним мысль.

И тут к ним подходят два парня. Его они как бы не замечают, говорят с ней, он сидит и слушает эту гладкую распевную латышскую речь. Один из парней крупный и мешковатый, другой пожиже. Так они и держатся - крупный поразвязней, мелкий поскромнее. Марите что-то отвечает им, но мешковатому это не кажется убедительным, он наклоняется и, посмеиваясь, завладевает ее руками. Теперь и без перевода все ясно, и он, видя, как Рита пытается высвободиться, говорит резко:

- Убери руки!

Оба парня разом выпрямляются, будто только и ждали этого, и происходит мужской разговор.

- Ты что, не знаешь, что она баруха? - говорит мелкий.

- Сальто-мортале хочешь сделать? - с сильным акцентом спрашивает крупный.

Страх он не испытывает, разве что волнение, горячее, пульсирующее где-то у горла, но страха — нет, потому, не вставая, хотя положение его явно невыгодное, он сжимает кулаки.

То ли им лень связываться с ним, то ли в пылу мужской перебранки он упускает какое-то слово, сказанное им Ритой по-латышски, то ли они чувствуют, что он действительно не боится, а когда человек не боится, сценарий драки непредсказуем, но расходятся они миром, почему-то с обещанием поквитаться на Невском проспекте.

Вдалеке раздается свист электрички и на повороте возникают из темноты освещенные кроны деревьев. Он вскакивает, бросая Рите на ходу:

- Подожди, я куплю билеты...

- Не надо, - говорит она, но он все-таки бежит к кассе.

Электричка уже жарко ждет за спиной, постукивая вхолостую своими движениями, вдоль всей платформы уходят в полутьму яркие квадраты вагонных окон, он прыгает через рельсы, ища глазами Риту, она, видно, уже села, электричка трогается, и он вскакивает на ступеньку. Электричка набирает ход, за открытой дверью в одну линию сливаются подстриженные деревья. Он идет по вагонам, все больше подозревая, что Рита осталась с теми парнями. Поздно. Электричка летит порожняком, в вагонах желтым деревом отсвечивают пустые лакированные сидения...

Он находит ее в тамбуре предпоследнего вагона. Она без удивления взглядывает на него, и легкая тень какой-то печали не разу сходит с ее лица.

В Пумпури вовсе безлюдно. Они перешагивают через рельсы и углубляются в лесок. Через него проложен путь с лампами на столбах и странно идти сквозь тьму по световому коридору. Золотятся, уходящие вверх стволы сосен, пружинит под слоем игл бугристая тропа, тут и там переползают через нее перевитые корневища.

- Ух, больше не могу! - говорит Марите и снимает туфли. Она вешает их на ручку зонтика и идет в капроновых чулках.

Лес обрывается, а вместе с ним и свет - теперь они погружены в сплошную густую ночь, где-то лает собака и пахнет теплым сеном. Он едва различает рядом с собой Марите, но она идет уверенно и иногда трогает его руку, подсказывая направление.

- Интересно, кто кого провожает? - пытается он острить.

Во тьме возникают мужские голоса, навстречу им раздается чей-то внушительный топот.

Она щиплет его, чтобы молчал, и из тьмы кто-то рокошущим басом обращается к ней на латышском. Марите коротко отвечает, в ответ слышится знакомое "labi". Кажется, что голос такой силы может исходить только из могучего нутра.

- Это мой дядя, - шепчет она, когда шаги удаляются. Теперь ее голос оживлен, будто дядино "хорошо" относилось именно к ним.

Вот, похоже, и пришли. Вперед за штакетником светится широкое окно. Это их дом.

- Тихо! - шепчет она и прикладывает палец к губам. Из занавешенного окна раздается приглушенная музыка и тюлевый занавес раздувается, как парус, словно его наполняют эти нежные плавные звуки.

- Там брат, - шепчет она.

Над крышей светит луна, блестят звезды - и это неожиданно после сплошной непроницаемой тьмы, в которой они шли. В лунном свете виден абрис крыши, пучок антенны, похожий на помело.

Они крадутся к забору. Высоко на нем прорезается зеленый огонек.

- Что это? - шепчет она и на мгновение прижимается к нему.

- Кошка!

- Нет... - она мотает головой, что-то вспоминая, - как это по-русски?

- Светлячок? - догадывается он.

- Так, так, - кивает она.

Это и в самом деле светлячок. Марите осторожно берет его - ковшиком ее ладони бледно озаряет зеленоватая капелька.

- Я беру его с собой, - говорит она. - Это на счастье. Она опускает светлячка в туфлю, заглядывает:

- Светит... - и смеется.

Он тоже заглядывает внутрь. В пещерке туфли горит иноческий огонек.

- Давай испугаем брата! - горячо шепчет она. Он кивает, не отрывая от нее глаз.

Они ползают по траве, нащупывая сосновые шишки, и, набрав полные пригоршни, швыряют в окно. Наконец он попадает, штора вздрагивает, принимая в себя удар, и они, давась от смеха, паническим бегом бегут вдоль забора в темноту...

Все так же звучит из радиоприемника музыка, светит луна, торчит в звездное небо метла антенны, раздувается белая штора.

- Он не заметил, - шепчет Марите. Ее лицо освещено - то ли светом из окна, то ли луной, то ли оно само светится во тьме.

- А я вот там живу, - говорит она и небрежно взмахивает рукой в сторону белесоватой постройки в дальнем углу сада.

- Правда? - говорит он.

- Одна, - смеется она. - Люблю быть одна...

- Но мы завтра встретимся? - говорит он, почему-то начиная прощаться, хотя ему вовсе не хочется уходить, хотя что-то еще только начинается. Она стоит вполборота к нему и вместо ответа вращает зонт. В лунном свете мелькает его никелированный кончик.

- До свидания, - шепотом говорит он, полный уверенности в том, что завтра будет так же, как сейчас. Она насмешливо протягивает ему руку и он пожимает ее. Он не заблудится? Найдет дорогу? "Конечно"! - браво отвечает он, поворачивается и идет, а потом бежит.

Почему-то ему хочется бежать. Его снова окутывает теплая влажная тьма. Она пощекочивает моросью, и его не удивляет, может ли такое быть - чистое в звездах небо и теплая душная морось. Все так же освещена дорога через лес, он прыгает с бугра на бугор, они так пружинят, что он чуть не парит. Он смеется, разговаривает сам с собой, напевает что-то и вдруг останавливается, как вкопанный.

"А я вон там живу", - слышит он ее голос, видит ее руку, протянутую во тьму, где едва угадывается отступившая от дома и от сада одинокая постройка, и вспоминает, что ему говорили

приятели о Марите. Как же он не понял? Она же приглашала его к себе...Он стоит, колеблется, вот-вот он повернет обратно. Она еще ждет его. Она одна и она ждет. Но как, как же это будет? Он ничего не знает об этом, кроме того, что это обламывающее волю и разум чувство... Вот чего он боится - ее насмешки, ее открытия, что он еще не мужчина. Зачем это все?! это потом, потом, когда-нибудь... Еще так много времени, еще есть завтра... Откуда ему знать, что завтра будет иным.

Ему снова легко и радостно - он то ли бежит, то ли летит, определенно летит, особенно в электричке, в раскрытом настежь тамбуре, где в гуле и грохоте колотятся мягкие прохладные глыбы ночного ветра, где странный зовущий запах ночных незнакомых пространств.

1959, 1961